

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АФФИКСОИДОВ

НАЗЕЛИ МИКАЭЛЯН

Хотя аффиксоиды в качестве особого словообразовательного средства получили признание многих лингвистов в отечественном и зарубежном языкознании, все же продолжают оставаться недостаточно исследованными вопросы, связанные с их статусом, то есть с определением существенных признаков, отличающих аффиксоиды от корней и аффиксов, с особенностями функционирования, структурными и семантическими типами, степенью представленности аффиксоидов. Подробное исследование аффиксоидов в отдельных языках уже начато¹, но оно не может считаться исчерпывающим. Изучение же аффиксоидов в типологическом плане еще только начинается. Процесс перехода корней в аффиксы описан в работах многих советских лингвистов². Описание аффиксоидов мы встречаем также у М. Степановой³. Она их называет «полуаффиксами». Однако, как справедливо отметила Е. Кубрякова, в этом термине чувствуется какая-то «половинчатость» функции данных единиц, что не соответствует фактам. Данное понятие «выдержало испытание временем и прочно вошло в арсенал лингвистических понятий, используемых в практике описаний словообразовательных систем»⁴. Для обозначения данных элементов чаще всего используется термин «аффиксоиды», однако встречаются также и другие названия — «полуаффиксы», «относительные аффиксы», «суффигированные словоэлементы», «неполнозначные основы», «агглютинаторы», «комбинирующая форма». Мы придерживаемся термина «аффиксоид» (и соответственно «суффиксоид» и «префиксоид»).

Издавна принято деление словообразования на словосложение и словопроизводство и соответственно этому различают сложные слова и производные. Словосложение как способ образования слов своими корнями уходит в глубокую древность. О том, что словосложение не является обязательным для всех языков, говорил еще Э. Сепир, отмечая, что «Есть много языков, в которых немыслимо сложение корневых элементов»⁵. Другое высказывание Э. Сепира — «Любопытно обратить вни-

¹ Н. М. Шанский, Аффиксоиды в словообразовательной системе русского литературного языка («Исследование по современному русскому языку», М., 1970); Э. А. Григорян, Суффиксоиды в системе современного русского языка, М., 1981; Дж. Буранов, Происхождение и развитие полусуффикса -тап в английском языке (автореферат канд. дисс., Л., 1963, с. 7).

² Հ. Բ. Աղաջան, ժամանակակից հայերենի հոլովումը և խոնարհումը, Երևան, 1967, էջ 107; Б. И. Бартков, Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и слово («Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме», Владивосток, 1980, с. 8—9); Г. Б. Джаукян, Сравнительная грамматика армянского языка, Ереван, 1982, с. 86.

³ М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, с. 79.

⁴ Е. С. Кубрякова, Основы морфологического анализа, М., 1974, с. 136—137.

⁵ Э. Сепир, Язык, Л., 1934, с. 51.

мание на то, сколь разнятся языки в отношении своей способности к использованию процесса словосложения»⁶—подчеркивает, что даже языки, имеющие в своем арсенале словообразовательных средств такое средство, как словосложение, характеризуются различной интенсивностью данного процесса.

Дж. Гринбергом был разработан метод количественных показателей, или типологических индексов, позволяющий определить типологические характеристики того или иного словообразовательного явления. Индекс словосложения по Дж. Гринбергу вычисляется по формуле R/W , где R —число корней (в стословном тексте), а W —число слов. Так, по данным Дж. Гринберга, словосложение в английском языке на основе анализа стословного текста имеет индекс $\frac{R}{W} = 1,00$, что превос-

ходит индекс суффиксации и немного уступает индексу префиксации⁷.

По данным Е. Кубряковой, которая внесла некоторые коррективы в метод Гринберга, увеличив объем анализируемых текстов, индекс словосложения в английском языке равен 1,07⁸.

Мы попытались, применяя метод индексирования Дж. Гринберга⁹, установить индекс словосложения в армянском и русском языках. Данные, приведенные в следующей таблице, позволяют сделать некоторые выводы об удельном весе словосложения в русском, английском и армянском.

Таблица 1

Индекс	Русский	Армянский	Английский
Словосложение	1,0	1,6	1,00 (Гринберг) 1,07 (Кубрякова)

В таблице 1 дается индекс словосложения на основе анализа оригинальных русских, армянских и английских текстов (К. Паустовский, В. Петросян, С. Моэм). Чтобы более наглядно представить себе количественное соотношение сложных слов во всех трех языках, мы вычислили также индекс словосложения на основе анализа одного и того же текста в трех языках (С. Моэм, «Дождь»). В данном случае вероятность отклонений, связанная с различной семантикой, минимальна. В таблице 2 приведены эти данные.

Таблица 2

Индекс	Русский	Армянский	Английский
Словосложение	1,01	1,05	1,03

⁶ Там же.

⁷ Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической типологии языков («Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, с. 74 и след.).

⁸ Е. С. Кубрякова, О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования («Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966, с. 98—99).

⁹ Вместо одного стословного текста нами проанализировано 10 стословных художественных текстов на каждом языке и выведен индекс на основании среднего арифметического. Индекс словосложения может измениться в зависимости от функционального стиля текста.

Интересные данные по анализу сложных слов в предисловии к «Герою нашего времени» Лермонтова (50 строчек) приведены Г. Макаровым¹⁰. Их можно свести к следующей таблице, добавив и армянскую параллель.

Таблица 3

Язык	Русский	Немецкий	Английский	Эстонский	Финский	Армянский
Колич. слов	2	12	14	21 (17 сущ.)	24	25

Как уже отмечалось выше, данные, приведенные в таблицах, получены на основе анализа текстов: стословного в методе Гринберга и текста в 50 строчек у Г. Макарова (таблица 3). Сложность тут заключается в том, насколько по данным текста можно судить о языке в целом, о словарном удельном весе данного способа словообразования. Дж. Гринберг, а также В. Аракин,¹¹ Р. Намитокова,¹² применявшие систему индексирования Дж. Гринберга, распространяют данные текстов на весь язык. И лишь Е. Кубрякова, устанавливая частотность появления отдельных моделей производных, вывела данные, не ограничиваясь только лишь анализом текстов, а обратилась также к выборке из словаря. Причем анализу подвергались не все слова подряд, а лишь подряд идущие производные. Слова, созданные участием нескольких словообразовательных способов (напр., сложения и аффиксации), засчитывались дважды. Слова же, созданные в результате нескольких последовательных словообразовательных актов, засчитываются по последнему акту словообразования¹³.

Мы в данной работе ограничились анализом 10 стословных текстов на каждом из рассматриваемых языков, во-первых, потому что определение интенсивности словосложения не является основной целью данного исследования, а во-вторых, даже признавая то, что данных, полученных при анализе текстов, недостаточно, чтобы судить о словарном удельном весе словосложения, мы тем не менее считаем, что эти данные дают довольно определенную картину о степени развития словосложения в каждом из языков.

Таким образом, не претендуя на абсолютную точность данных показателей, мы можем сделать предварительный вывод о том, что в армянском языке словосложение гораздо более развито, чем в русском и английском. Это подтверждается также собранным нами фактическим материалом. Так как между «дериватизованными компонентами»¹⁴ и словосложением в языке существует прямая пропорциональность, то получилось, что при установленном нами минимальном

¹⁰ Г. Н. Макаров, К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке («Труды Карельского филиала АН СССР», Петрозаводск, 1958).

¹¹ В. Д. Аракин, Сравнительная типология английского и русского языков, Л., 1979, с. 219—220.

¹² Р. Ю. Намитокова, Сложные существительные в русском и адыгейском языках, М., 1965, с. 216.

¹³ Е. С. Кубрякова, О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования, с. 101.

¹⁴ Термин, предлагаемый Р. Манучаряном для квалификации образований с аффиксандами (Р. С. Манучарян, Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках, Ереван, 1981, с. 124).

пороге регулярности суффиксоидов (10) в армянском языке может быть выделено 26 суффиксоидов имен существительных (-*րանի*, -*կեր*, -*պաշտ*, -*գնաց*, -*կիր*, -*բնակ*, -*վաճառ*, -*գետ*, -*պահ*, -*բուլ*, -*արած*, -*բուլ*, -*վար*, -*տեր*, -*սեր*, -*գիր*, -*խոս*, -*գործ*, -*արար*, -*կից*, -*տոս*, -*տար*, -*պահ*, -*կիր*, -*գիր*, -*մուլ*), в русском—11 (-лов, -носец, -вар, -борец, -ход/-ходец/, -люб/-любец/-вед, -вод, -ед, -писец, -творец), в английском—4 (-man, -smith, -monger, -wright).

Как уже отмечалось выше, история развития сложных слов показывает, что компонент сложного слова зачастую постепенно теряет связь с соответствующим ему простым корневым словом и переходит в разряд словообразовательных элементов¹⁵. Таким образом, данный процесс, как справедливо считает Г. Пауль, служит толчком к образованию префиксов и суффиксов¹⁶. Однако одной только потери связи с коррелятивным простым словом недостаточно для того, чтобы член сложного слова превратился в словообразовательный элемент. Необходимо также, чтобы данный компонент сложного слова встречался не в отдельных словах, а в целом ряде слов, причем сохраняя одно и то же значение. Помимо этого, необходимым условием является также следующее: «соответствующий член сложного слова должен иметь абстрактное, обобщенное значение (типа «существо», «действие», «качество»). Если такое значение не было ему свойственно как простому слову, то оно должно развиваться в нем уже в составе сложного слова из более четкого и более конкретного значения, присущего простому слову. При известных обстоятельствах это последнее условие может оказаться решающим; оно может способствовать возникновению словообразовательного элемента даже там, где ощущение связи с простым словом не утрачено полностью»¹⁷. Подтверждение данного положения об источнике возникновения суффиксов мы находим у В. Виноградова: «...вторая часть сложения подвергается словообразовательному общению и выступает в функции суффиксального элемента слова, своеобразной суффиксальной морфемы»¹⁸.

Таким образом, суффиксоиды образуются на базе сложений с регулярно повторяющимся вторым компонентом, и именно факт регулярности одного из компонентов сложного слова наряду с другими характерными признаками позволяет говорить об аффиксоидах.

Итак, резюмируя все сказанное выше, хочется еще раз отметить, суффиксоиды—это не что иное, как вторые компоненты сложений, «семантически побледневшие», преобразованные, частично утратившие связь с исходным мотивирующим глаголом и приблизившиеся по своей функции к суффиксам. Суффиксоиды И. Ревзин называет «компонентами, как бы застывшими на полпути к превращению в аффикс»¹⁹.

Как уже отмечалось выше, словосложение в армянском языке является одним из ведущих словообразовательных средств. При исследовании проблемы словосложения неизбежно затрагивается вопрос о переходе той или иной части сложения в словообразовательный аф-

¹⁵ Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, с. 385.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 411.

¹⁸ «Современный русский язык. Морфология (курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, М., 1952, с. 127.

¹⁹ И. И. Ревзин, По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой («Вопросы языкознания», 1955, № 5, с. 162—163).

фикс. В работах армянских языковедов²⁰ отмечается, что многие аффиксы генетически восходят к самостоятельным корням, утратившим свое материальное значение в процессе исторического развития. И это является одним из путей образования аффиксов. Армянские суффиксы, прежде чем дойти до сегодняшнего состояния, прошли долгий путь развития, подверглись значительным изменениям и поэтому происхождение многих из них скрыто от нас временем. Но есть немало суффиксов, история развития которых наглядно показывает, что восходят они к самостоятельным независимым словам. Например: *ստ «ստըստ»* восходит к древнеармянскому *հատանի* (совр. *հատնի*) и др. Говоря о происхождении суффиксальных слов, М. Асатрян подчеркивает, что происходят они от сложных слов²¹. Причем переход сложных слов в суффиксальные — процесс, характеризующий как прошлое, так и настоящее состояние языка, и в ряде случаев трудно определить, имеем ли мы дело со сложным или суффиксальным словом. В качестве примера можно привести слова *երկաթաքրծ*, *սեղանակից*. Неоспоримо, что в этих примерах конкретное значение корней *քրծ* и *կից* утрачено в той или иной степени, однако оно утрачено не настолько, чтобы отнести данные слова к классу суффиксальных. Таким образом, М. Асатрян, никак не называя подобные единицы, отчетливо показывает, что в какой-то степени они отошли от корней, но не в достаточной мере еще развили словообразовательное значение, чтобы их можно было безоговорочно причислить к классу суффиксов, то есть и в армянском языке мы сталкиваемся с толкованием этих единиц как переходных, промежуточных между корнем и суффиксом.

Правда, несколько иную точку зрения мы находим у С. Галстяна²², А. Мурваляна²³. Они единицы *-արար* (*գլուարար*), *-աբան* (*ընտաբան*), *-արած* (*ընդարած*), которые мы рассматриваем как суффиксоиды, причисляют к классу суффиксов.

Ученые давно заметили возможность перехода корней в аффиксы в армянском языке. До V—VI вв. н. э. префиксы не были чужды армянскому языку, но они не являлись продуктивными. И ученые так называемой греко-фильской школы, осознавая необходимость словообразовательных перемен, искусственным образом, путем усечения основ, обогатили армянский язык 23 префиксами. Некоторые из них так и не прижились, но большинство прочно вошло в язык²⁴. Проблема перехода корней в суффиксы затронута также Р. Мкртчян²⁵. Исходным для Р. Мкртчян также является то положение, что часто одна из основ сложения подвергается семантическому изменению (теряет материальное значение) и, приобретая абстрактное, превращается в аффикс. Согласно законам армянского словосложения, вторая основа сложения является его семантическим центром и, естественно, в случаях, когда семантиче-

²⁰ У. Աբեղյան, Հայոց լեզվի տեղեկություն, Երևան, 1965, էջ 226, 227, Մ. Ասատրյան, Ժամանակակից Հայոց լեզվի ձևաբանություն հարցեր, Երևան, 1970, էջ 68—70, Գ. Սեփակ, Ժամանակակից Հայոց լեզվի դասընթաց, Երևան, 1955, էջ 156:

²¹ Մ. Ասատրյան, указ. соч., с. 68—70.

²² Ս. Ա. Գալստյան, Ամանցումը և ամանցները ժամանակակից հայերենում, Երևան, 1975, էջ 10, 15:

²³ Ա. Ա. Մուրվալյան, Հայոց լեզվի բառային կազմը, Երևան, 1955, էջ 294:

²⁴ Г. Б. Джаян, указ. соч., с. 86, Ա. Ա. Մուրվալյան, указ. соч., с. 243; Գ. Սեփակ, указ. соч., с. 178.

²⁵ Р. Х. Мкртчян, Семантическое соотношение компонентов сложных слов в современном армянском языке (автореферат канд. дисс., Ереван, 1973, с. 16—17).

скому изменению подвергается именно эта основа, она не сохраняет своего семантического доминирования, и центр уже переносится на первый компонент, «который становится основной частью нового аффиксального слова—его корнем».²⁶ Замечено, что в армянском языке гораздо чаще приобретают аффиксальное значение последние компоненты сложения. Это объясняется тем, что второй компонент выражает более широкое понятие, чем первый. И понятно, что слово, выражающее более общее понятие, обладает более широким семантическим охватом и скорее может приобрести общее значение, присущее аффиксам, чем слово с узким семантическим охватом.

Таким образом, как видим, армянскому языку, столь богатому словосложением, естественно, свойственна категория переходных единиц, отошедших от корней, но еще не полностью превратившихся в суффиксы. Данное явление в арменистике остается пока еще недостаточно изученным, сами единицы не получили никакого названия, несмотря на то, что сам факт их существования не вызывает сомнений у лингвистов.

Суффиксоиды близки к суффиксам по выполняемой функции, по абстрактному значению, свойственному формантам, хотя необходимо отметить, что степень абстрактности суффиксоидов значительно уступает степени абстрактности суффиксов, которая, в свою очередь, бывает различной. О рядоположности суффиксоидов и суффиксов с функциональной точки зрения свидетельствует существование в языке синонимических пар, образованных в одном случае с помощью суффикса, в другом—с помощью суффиксоида. Например: арменолог—арменист, *հայաբան*—*հայագետ*, *workman*—*worker*. Но любой суффиксоид продолжает сохранять какую-то семантическую связь с полнозначным коррелятом, иначе пришлось бы уже говорить не о суффиксоидах, а о «чистых» суффиксах. Правда, одни суффиксоиды морфологизовались в большей степени, другие—в меньшей. Единицы, морфологизованные в меньшей степени, стоят ближе к корням, морфологизованные в большей степени—ближе к суффиксам. Именно исходя из семантической связи или, вернее, семантического отчуждения суффиксоида от соответствующего полнозначного глагола и была разработана Э. Григоряном «ось», на одном конце которой наблюдаем «наиболее суффиксоиды», а на другом—«наименее»²⁷.

Учитывая структурно-семантическую соотносительность суффиксоидов с полнозначным коррелятом, «а также то обстоятельство, что аффиксоиды в принципе являются потенциальными аффиксами, можно было бы назвать словообразовательные значения, выражаемые аффиксоидами, «полуформализованными» (ср. различие значений «формальных», выражаемых аффиксальными морфемами, и «вещественных», выражаемых корневыми морфемами)²⁸. И поскольку нами исследуется материал трех языков (армянского, русского и английского), а армянский и английский являются языками с сильно развитым сложением, учет «полуформализованных» словообразовательных значений особенно важен, ибо, как указывает Р. Манучарян, «... между распространенностью и продуктивностью аффиксации и словосложения закономерно существует обратная пропорциональность, а дериватизованные

²⁶ Там же.

²⁷ Э. А. Григорян, указ. соч., с. 5.

²⁸ Р. С. Манучарян, указ. соч., с. 125.

композиенты с аффиксоидами диахронически формируются за счет чистых сложений, но не аффиксальных производных»²⁹.

Следует также отметить, что понятие аффиксоида отсутствует в академических грамматиках русского языка. Авторы этих грамматик рассматривают слова типа «языковед», «полевод» и подобные как сложные с нулевым суффиксом³⁰.

Однако все разногласия, существующие по поводу аффиксоидов, следует признать в значительной мере терминологическими, ибо сам факт существования в языках различных типов единиц «переходного характера», аффиксоидов, признается всеми. Говоря об аффиксоидах (суффиксоидах), как отмечает В. Жирмунский, «...мы имеем...дело с явлением переходным, находящимся в развитии, с незавершенным процессом грамматического обобщения, трансформации второго элемента сложного слова в словообразовательный суффикс»³¹.

ԱՄԱՆՑԱՏԻՊ ՄԱՍՆԻԿՆԵՐԻ (ԱՖԻՔՍՈՒԴՆԵՐԻ) ԾԱԳՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋ

ՆԱԶԵԼԻ ՄԻՔԱՅԵԼՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Տարբեր լեզուներում գոյություն ունեն անցողական բնույթի միավորներ, որոնք դադարել են կոնկրետ իմաստով արմատ լինելուց և անցել են նոր, միջանկյալ վիճակի՝ արմատների և ածանցների միջև Դրանք արդեն ոչ արմատներ են, ոչ էլ ածանցներ: Այդպիսի տարրերը հաճախ անվանվում են «ածանցատիպ մասնիկներ» (աֆիքսոիդներ), որտեղից էլ՝ համապատասխանաբար «նախաձանցատիպ մասնիկներ» (պրեֆիքսոիդներ) և «վերջաձանցատիպ մասնիկներ» (սուֆիքսոիդներ): Վերջինները գոյանում են բարդ բառերի երկրորդ բաղադրամասերից, հետևաբար թվով ավելի շատ են այն լեզուներում, որոնցում բառաբարդումն ավելի է զարգացած:

Ելնելով Գրինբերգի մոտեցումից, բառաբարդման ինդեքսը հաշվել ենք հարյուր բառանոց հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն 10 տեքստերի վերլուծության հիման վրա: Դրանցում սուֆիքսոիդների մի մասը քերականացվել է ավելի մեծ չափով, իսկ որոշ մասը՝ ավելի քիչ: Քիչ քերականացված միավորներն ավելի մոտ են արմատներին, իսկ շատ քերականացվածները՝ ածանցներին: Արմատներից ածանցների գոյացման պրոցեսը մի շարք լեզուներում բնութագրվում է ընդհանուր գծերով, սակայն ինչպես ցանկացած այլ լեզվական երևույթ, այս պրոցեսը ևս յուրաքանչյուր լեզվում ունի իրեն հատուկ և բնութագրական հատկանիշներ:

²⁹ Там же, с. 126.

³⁰ «Русская грамматика», т. I, М., 1980, с. 246.

³¹ В. М. Жирмунский, О синхронии и диахронии в языкознании («Вопросы языкознания», 1958, № 5, с. 48).